

Край, где мы живём

1. Находки краеведа

Говорят, хорошего человека определяют ещё задолго до того, как переступят порог его дома. И уж, конечно, он надолго останется в памяти (независимо от занимаемого положения), если беседа с ним обогатила тебя, вызвала новые чувства, заставив поразмыслить, засесть за книги...

Встреча, о которой пойдёт речь, произошла летом, когда раскинувшийся перед окнами сад утопал в лучах солнца, и ребяташки — неунывающее, вездесущее племя путешественников, — снимав походные рюкзаки, отдыхали в тени у ограды. Именно этот сад — вишни, яблони, луговое разнотравье посредине двора, аккуратная ограда, дорожки, посыпанные песком, сразу настроили в пользу собеседника. Наша беседа не закончилась сразу, она продолжалась на другой день...

Посудите сами: Ленин и усадьба Ганшиных... Здесь создавалась первая советская киноплёнка... Последняя курная изба в районе... Шаляпин на реке Итларь... Какого военачальника описал Лев Толстой в своём «Хаджи Мурате»?.. Как была исправлена ошибка искусствоведов (к истории рисунка Серова «Московский дворик»). Посудите сами, если с вами беседуют на такие темы, захотелось бы вам прервать беседу или нет, тем более, что ваш собеседник не высказывает (по крайней мере внешне) недовольство явным нарушением норм гостеприимства — улыбаясь, продолжает рассказ, подтвердив его в нужный момент документом, и, почувствовав, что его повествование не безразлично, лишь устало проведёт рукой по светловатым волосам. И, смерив вас взглядом, возьмёт ключи и поведёт по крутым ступенькам темноватой лестницы в тайное-тайных...

Там, в комнате на самом верхнем этаже здания, он не скажет ни одного слова — здесь сами за себя говорят вещи и документы...

Нужны ли слова, чтобы подтвердить волнение, когда ты своими глазами читаешь указ, написанный собственноручно Петром Первым, когда за стеклом витрины видишь изделия, по ценности и историческому значению схожие с экспонатами Оружейной палаты Кремля. А хотите взглянуть на костюм, в каком должен был появляться Пушкин на дворцовых приёмах? Откройте дверцу, и вот он перед вами — костюм камер-юнкера...

И вы, конечно, согласитесь, когда, закрывая дверь, ваш собеседник скажет:
— Это наша Малая оружейная палата...

Не будем дальше скрывать ни места беседы, ни фамилии нашего собеседника. Её может повторить каждый, кто захочет побывать в Переславском краеведческом музее и встретиться с его директором Константином Ивановичем Ивановым.

Многочисленные посетители, ежедневно входящие в здание бывшего Горицкого монастыря, что возвышается над Плещеевым озером, по достоинству оценивают богатства краеведческого музея, одного из крупнейших в нашей области. Пройти по залам музея — это прочитать занимательную книгу по истории родного края. И за всем этим, что волнует, привлекает посетителя, стоит труд краеведа, незаметный, кропотливый, повседневный...

— Равнодушие нетерпимо в любой работе, — говорит Константин Иванович, — а в нашей особенно...

Впрочем, сам Константин Иванович не склонен подчёркивать каких-то своих заслуг в создании экспозиций музея, хотя, понятно, нельзя ни в какой мере сравнить материалы музея двадцатых годов, когда он пришёл к его руководству, с теми, с которыми он отметил сорокалетие Советской власти.

*Грибков, Н. Край, где мы живём / Н. Грибков // *Северный рабочий*. — 1957; 1958. — 27 декабря; 5 января. — С. 3; 3.

Экскурсанты начинают осмотр музея с небольшого стенда: «Что поступило в наш музей за последнее время». Здесь краткое описание предметов, фамилии нашедших их. Рабочие, колхозники, учащиеся... Стенд как бы подчёркивает, что в создание богатств музея принимали участие широкие круги населения. Но именно то, что школьник, натываясь в огороде на катушку с незнакомыми монетами, спешит в музей, так же, как старый солдат передаёт сюда башлык, в котором он прошёл империалистическую войну, говорит о большой популярности музея, внимании людей к труду краеведа. И уж его дело в этих находках определить ценное, важное. Отнюдь не на похвалу и вознаграждение рассчитывал рабочий фабрики «Красное эхо» Иван Дмитриевич Васильев, когда нёс в музей старую, потрёпанную книгу, найденную случайно в подвале. Слышал, что Иванов очень интересуется всякими старыми документами, может, и эта книга ему понадобится, тем более что она переплетена и на обложке стоят цифры «1889—1915».

— Дорогой Иван Дмитриевич! — пожимал посетителю руку директор, — если бы вы знали, какой ценный подарок вы преподнесли музею... Вот спроси сейчас молодого рабочего — кто распределяет бюджет фабрики?

— Фабком, — перебил директора Васильев.

— А кто в фабкоме?

— Наш брат рабочий, сами выбрали...

— И всё это привычно, само собой... А вот эта: книга наглядно говорит о других временах, когда фабрикой владели капиталисты. В ней — протоколы, которые запечатлели распределение прибылей... Отличный документальный материал... Как он нужен нам, особенно молодёжи!

И живые глаза директора весело блеснули из-под густых нависших бровей.

«Протоколы Переславской мануфактуры с 1889 по 1915 год» — одно из последних приобретений музея. Это всего-навсего небольшая книга, которую доставили в музей, держа в руках. Ну, а первый экспонат, самый первый, с которого начал директор свою работу? Их было много, сразу не вспомнишь. Если брать вот этот... Наш собеседник улыбается.

— Для его доставки потребовалось нанимать обоз. Дело обстояло так...

Сейчас деревенского первоклассника не удивишь электрической лампочкой в избе. Что для него радио, трактор, — так, обычное из обычных! Ну, конечно, он считает, что и лет тридцать назад всё это было также само собой разумеющимся! А Константин Иванович тридцать лет назад в том селе, где сейчас первоклассник готовит уроки при электрическом свете, и утром встаёт пораньше, чтобы наблюдать искусственный спутник Земли, на четвереньках влезал в эту избу, что стоит ныне в музее, и задыхался от дыма, не в силах ничего рассмотреть... Да, да, хоть и последняя, но эта курная изба — без окон, с одним дымоходом — дожила в переславской округе до самой коллективизации и вид её — даже в музее, через тридцать лет — такой, что невольно чувствуешь запах дыма. А в ней жили люди, деды и прадеды того переславского школьника, который наблюдает спутник!

Было бы нелёгким делом перечислять все ценные находки, которые помогают сегодняшнему человеку, человеку социалистического общества, наглядно познавать прошлое, изучать его. За всем этим кроется большой труд краеведов.

Одной из ценных сокровищниц музея является картинная галерея имени Дмитрия Николаевича Кардовского. Маститый академик живописи, один из первых, кому страна присвоила звание заслуженного деятеля искусств, Дмитрий Николаевич сам заложил основание галереи, сумев сохранить картины, реквизированные в годы революции в помещичьих имениях края. Но вот рядом с этими картинами — лучшие произведения самого академика, рисунки его учеников, ныне известных советских художников. Это уже — итог стараний самого Иванова. Пусть для этого в годы войны, пользуясь краткосрочным отпуском с фронта, ему пришлось обойти всех учеников академика, пусть пришлось немало приложить труда, чтобы в музей перешло многое из художественного наследия покойного академика — пусть! — сейчас картинная галерея выглядит такой, что она сможет потягаться со многими художественными музеями. А ведь всё это сделано без особых ассигнований, да по правде сказать, и без особых заданий. По велению сердца, по любви к родному краю!

Эта любовь помогла «прочитать» ряд картин заново, исправить некоторые ошибки, хотя сам Иванов и не является искусствоведом (правда, и он брал в юности уроки живописи у Кардовского). Есть в фондах Русского музея в Ленинграде картина неизвестного художника — портрет женщины. Увидев его, Иванов вспомнил — подобный портрет в несколько иной позе имеется и в Переславской галерее. Произвели проверку — лицо, изображённое на портретах, идентично. Какая тут может быть связь? Поиски, поиски... По описи установлено, что переславский портрет

привезён был Кардовским из усадьбы Бектышево. На нём изображена одна из бывших владелиц имения — Самсонова, женщина весьма либеральных взглядов, открывшая первую в округе приходскую школу. Муж её служил в Кавказской армии. Мемуары мужа и жены легли в основу одной из книг о Лермонтове, вышедшей в тридцатых годах... Всё это было уже установлено, как вдруг новая догадка: ведь одна из дочерей Самсонова была замужем за генералом Козловским.

Ещё поиски, ещё! Верно, генерал Козловский — это переславский уроженец.

Вот как закончилась история с портретом неизвестного художника, увиденном в Русском музее.

Там же в Русском музее находилась работа художника Серова, подписанная «Московский дворик». Подпись — подписью, но почему изображённый на картине вид так похож на тот, который открывается с горы рядом с Переславским музеем? Ну прямо точь-в-точь! Иванов обращается к искусствоведам, но те стоят на своём: московский дворик! Может, Серов и не бывал в Переславле? Так, показалось...

Но Иванову известно, что художник дружил с Шаляпиным. Известно, далее, что у Шаляпина была дача на Итларе под Переславлем. Что скажет по этому поводу переписка между великим певцом и его друзьями, относящаяся к тому времени?

Письмо А. М. Горького Е. П. Пешковой, 11 или 12 (24 или 25) июля 1904, Петербург.

Письмо, которое начинается словами: «Вот и похоронили мы Антона Чехова, дорогой мой друг». Великий писатель описывает похороны Чехова, на которых он был вместе с Шаляпиным. В конце письма строки: «Фёдор купил-таки имение, дурачина». Не о переславской ли даче идёт речь?

Письмо Горького к Пятницкому. 20 или 21 сентября (3 или 4 октября) 1905, Москва.

«Пишет меня Серов — вот приятный и крупный Человек... Бывает Шаляпин».

А. М. Горький — Ф. И. Шаляпину, 26 сентября 1905, Москва.

«А что у Серова? Не знаешь?»

Сообщи его адрес, будь добр!»

А. М. Горький — Е. П. Пешковой. Между 8 и 11 октября 1905, Москва.

«Выезжаю отсюда или 12-го, или же после 17-го, ибо 17-го идут „Дети“. Приеду, вероятно, вместе с Серебряковым, Шаляпиным и Пятницким. Может быть, и Серов тоже».

Итак — прямое подтверждение дружбы Шаляпина и Серова и их тесной связи в те годы. Поднимаются переславские архивы. Не может быть, чтобы Шаляпин не побывал в Ботике, где хранились остатки петровской флотилии — первой на Руси. И вот, перелистывая книгу отзывов за 1904 год, работники музея застыли, получив ответ на многие вопросы, — в июле свою запись в музее оставили Шаляпин, Серов и Коровин, известный художник-декоратор.

Значит, художник Серов, которого сам Горький называл Человеком с большой буквы, в тот год, когда писал портрет Горького, был в Переславском крае, и уж, конечно, на картине в Русском музее изображён не «московский», а «переславский» дворик. Сомнений больше не было никаких.

И так изо дня в день, из года в год труд краеведов — это поиски, поиски и поиски.

2. Важное дело

Может быть, и не эта папка сыграла главную роль в том, что знаменитый ботик — первенец русского флота и сейчас продолжает стоять в том месте, где его строил Пётр Первый; может быть, и без неё музей «Ботик», названный по имени этого первенца, продолжал бы, как и нынче, открывать гостеприимно двери перед посетителям со всех концов страны, — может быть!

Но, листая документы, подшитые в этой, прямо-таки скажем, объёмистой папке, нельзя не восхититься высокой гражданственностью, упорством характера простых советских людей.

Напомним кратко обстоятельства «письменной баталии», как шутливо называют её в Переславле, развернувшейся через два с лишком века после учебных баталий Петра, проводимых им на озере Плещеево. В один из годов, отмеченных реорганизацией и вновь организацией ряда министерств, «Ботик» оказался без своего прямого хозяина, и вот последовало распоряжение — под видом концентрации музейных фондов перевезти все его экспонаты на юг — они-де там нужнее.

Документы в папке показывают, что руководство музея не смутило распоряжение о ликвидации «Ботика». Дирекция назвала все вещи своими, пусть не очень лестными именами — забвение лучших традиций прошлого есть всегда невежество, от кого бы оно ни исходило.

В дело были подключены общественные организации, оно пошло в Москву, в центральные органы. Представителям, уже прибывшим в «Ботик» за экспонатами, пришлось, говоря языком старых военных, ретироваться.

Переславские краеведы не видят ничего особенного в этой истории — они лишь выполнили свой долг патриотов родного края, и если директор музея показывает папку с названием «Ботик», так это просто служебные документы, которые положено хранить, как это и предусмотрено правилами не только музея (в его цель, наряду с собиранием и пропагандой, входит и хранение документов), но и любого учреждения. Нет, если говорить о настоящем научном подвиге краеведов, продолжает он, то следует подробно заинтересоваться, как работники Ярославского краеведческого музея сумели в тридцатые годы отстоять от разрушения крупный архитектурный памятник, предназначавшийся некоторыми ретивыми администраторами к сносу (площадь, видите ли, загромождает, простора нет!).

В книге отзывов того же Переславского музея есть записи сотен и тысяч людей. Сюда в дни VI Всемирного Фестиваля молодёжи приезжали иностранные гости. Это — свидетельство глубокого интереса советских людей, наших друзей из-за рубежа к истории нашей Родины, героическим делам народа. Но ведь работники краеведения — не только ревностные хранители прошлого, они в ответе перед будущими поколениями за показ того, чем живёт человек в наши дни, отмеченные историческими подвигами советского народа.

Всё это, с точки зрения музейных работников, и точки зрения совершенно правильной, будет интересно в документах, конкретных материалах. Немало усилий приходится сейчас приложить краеведам, чтобы богаче представить на экспозициях документальные материалы первых лет Советской власти. Правда, готовясь к сорокалетию Великого Октября, в Переславле смогли сделать стенды, на которых представлены и местные газеты, и листовки Октябрьского периода. Каждый проезжающий по центральной магистрали Переславля обратит внимание на старый приземистый домик с подслеповатыми окнами, выходящими на улицу. Как установили работники музея, здесь в 1906 году нелегально собирались члены социал-демократического кружка. Много интересных документов представил старый коммунист, один из организаторов переславского комсомола тов. Дьяков.

Но бывают странные вещи — подчас музейным работникам труднее найти документы, подтверждающие и повествующие о годах, гораздо более близких к нашим дням, чем о прошлых.

— Мы, например, можем представить любому исследователю прошлого протоколы заседания земской управы за минувший век, — говорит Константин Иванович Иванов (в первой статье директор Переславского краеведческого музея мною ошибочно назван Константином Фёдоровичем. — Н. Г.), — и не сможем удовлетворить просьбу, если от нас в будущем потребуют материалы сессий городского Совета.

Переславль за годы Советской власти неузнаваемо изменил своё лицо. Крупнейшая в стране фабрика киноплёнки, расширение производства фабрик «Красное эхо» и «Новый мир», новые очаги культуры, кварталы жилых домов — всё это будет интересно потомкам, желающим изучать свой родной край, и всё это делалось по решению органов местной власти, власти народа. Так надо ли говорить, что эти документы нужны истории? Истории, повторяет директор музея и не боится этого слова. Нельзя же будущим историкам, шутит он, надеяться на археологические раскопки, когда наша задача дать в их руки официальные документы.

— Впрочем, это, может, только у нас, в Переславле, — замечает он.

Только ли в Переславле?

Не пора ли нам сказать об известной запущенности краеведческой работы, слабой пропаганде её среди широких слоёв населения. Наглядный пример. Честное слово, глаза разбегались, когда К. И. Иванов знакомил нас с фондами музея, с так называемой Малой Оружейной палатой, о чём сообщалось в предыдущей статье. Но ознакомление с ней — пока удел тех, кого директор может привести с собой. Почему бы не выставить для обозрения всех замечательные художественные ценности, изготовленные в XVII веке, вещи, которые кремлёвская Оружейная палата считала за честь иметь в числе своих экспонатов? Но... директор разводит руками — штаты музея не позволяют иметь лишних зрителей, которые неизбежно понадобятся при расширении экспозиций. Вот и хранятся ценности под замком!

— Впрочем, может, такое отношение только к нам, переславцам, — повторяет директор.

Нет, Константин Иванович, нет! Если бы это было только в Переславле, то полбеда. Не может нас удовлетворить состояние музея в Угличе — не тот размах должен быть у хозяев этого древнего города, который славится богатейшими историческими памятниками. Только диву можно даваться, когда видишь, что в стенах Ярославского кремля, в стенах, которые

отражали снаряды польских интервентов, которые видели отряды народного ополчения Минина и Пожарского, в которых найдена гордость русской литературы — «Слово о полку Игореве», — размещена керосинная лавка. Да, да, на одной стене читаешь мемориальную доску, повествующую о «Слове», завернул за угол — там торговля керосином. Только одно «оправдание» может быть у руководителей города — это то, что лавка по настоятельному требованию была перенесена из другого ценного архитектурного памятника: так сказать, учли критику...

Если в крупных центрах краеведение остаётся запущенным участком культурной жизни, то уж совсем нетерпимо положение в сельских районах. Советский школьник знакомится на уроках со многими историческими личностями, уроженцами нашего края. Но очень мало что сделано в Нагорье по сбору материалов об их земляке адмирале Спиридове. А попробуйте, побывав в Тутаеве, узнать, что герой русского флота Ушаков — выходец из тутаевских мест? Далее, школьник знакомится с бессметными произведениями Салтыкова-Щедрина, а что сделано в области краеведения для сбора материалов о Пошехонской старине? Есть ли, скажем, музей этой старины?

Отвлечёмся немного в сторону. В сентябре-октябре в журнале «Новый мир» опубликованы очерки Владимира Солоухина «Владимирские просёлки» (недавно они передавались по радио). Не будем разбирать художественных достоинств этих очерков — их высоко оценит каждый, кто прочитает, коснёмся краеведческой темы — сколько интересного, важного отметили пытливые глаза писателя в истории родного края, притом в местах, далёких от областного центра, в деревнях и сёлах, которые лежали на пути путешественников. Разве у нас не могут рассказать о себе многие деревни и посёлки?

И много, много других вопросов возникает, если всерьёз поднимать тему краеведения. У нас есть энтузиасты этого дела. Посетители Ярославского краеведческого музея оставляют восхищённые записи специально по разделу, экспонаты которого добыты и оформлены страстным любителем природы родного края Николаем Васильевичем Кузнецовым. В Середском районе ревниво собирает материалы по истории учитель Фёдор Николаевич Веселов. Ценные материалы из прошлого великой русской реки Волги подготовил ныне больной Александр Васильевич Магдалинский. Кто не учтёт труда коллектива Некрасовского музея, возглавляемого Анатолием Фёдоровичем Тарасовым, у которого есть свои большие претензии к местным и республиканским органам по дальнейшему упорядочению некрасовских мест. Это, так сказать, старая гвардия краеведов, вернее, часть её, так как в каждом городе, в каждом районе есть свои исследователи и собиратели старины. Подрастает и смена им. Можно прямо-таки восхититься кипучей энергией и упорством, с которыми работник Ярославского аэроклуба Борис Румянцев собирает материалы о героях Великой Отечественной войны. Своею рукою, пером он записал в альбоме всю историю аэроклуба. Целой школой историков руководит ярославский учитель Латышев. А разве не отнесёшь к страстным краеведам комсомольца Михаила Мартынова из Любима, который вместе с группой товарищей решил написать историю местной комсомольской организации?

Естественное дело — если краеведов много (и не только работников музея), если краеведение — большое и важное дело для наших современников, для будущих времён, то следует объединить их усилия. В центральных газетах выдвигается предложение о создании общества краеведов. Кто из ярославских краеведов не будет голосовать за это обеими руками? Важное, очень нужное дело. Оно поможет решить многие назревшие вопросы краеведения, сохранности исторических памятников, широкой популяризации краеведения среди населения. Кстати, у того же К. И. Иванова третий год без движения лежит рукопись, где содержатся интереснейшие материалы и темы, которых коснулись мы в беседе с ним, — об имении Ганшиных, о фабрике киноплёнки, о пребывании Шаляпина в переславских местах и других — это главы из его рукописи. Но одним в областном издательстве не нравится, что в ней, краеведческой по духу, допущены литературные отступления, а рецензенты-литераторы, в свою очередь, критикуют за изобилие... краеведческого материала. Нет на книжной полке и книги Магдалинского о Волге. Само собой понятно: с созданием общества краеведов решится вопрос о его издательской деятельности.

«Всеу начало здесь, в краю моём любимом», — восклицал наш великий земляк Н. А. Некрасов. Край, где уезды были Терпигоревы, волости Пустопорожние, деревни Разутовы, стал за годы Советской власти краем Рыбинского и Горьковского морей, краем индустрии и крупного сельского хозяйства. И достойно самого глубокого изучения прошлое, показ настоящего этого края, края, в котором мы живём.

Н. Грибков.
г. Переславль-Залесский.